

* Изъ новѣйшихъ авторовъ упоминаемъ Бюхера, фонъ-деръ-Штейнена, Гильдебранда, Эспиваса, Гюрнеса, Фейергерда, Гроссе, Чикотти и цѣлую школу американскихъ этнологовъ.

ИЗЪ ЗА РЪШЕТКИ.

Отъ редакціи. Печатаемъ письмо одного изъ осужденныхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ рабочихъ-демонстраторовъ. Мы не рѣшаемся назвать его имя, чтобы не подвергнуть опасности новыхъ репрессій со стороны враговъ, во власти которыхъ находится нашъ самоотверженный товарищъ. Близкіе друзья, безъ сомнѣнія, и безъ подписи узнаютъ свѣтлую личность писавшаго. Для тѣхъ же, кто не знаетъ автора лично, печатаемое здѣсь письмо является завѣщаніемъ всѣхъ тѣхъ, кто вмѣстѣ съ нами вырвался изъ нашихъ рядовъ, кто съ такой же смѣлостью и беззаветностью продолжаетъ на скамьяхъ подсудимыхъ бороться за дѣло социаль-демократіи.

Мы хотѣли бы сказать нѣсколько словъ по поводу взглядовъ автора на роль подсудимыхъ въ политическомъ процессѣ. Теперь, когда правительство начало мѣнять свою тактику въ политическіе дѣла и въ судебное разбирательство можетъ предстать каждому социалсту, — весьма лаяно имѣть правильную тактику, которой должны держаться на судѣ революціонеры.

Протестъ противъ всякаго чиновничьяго суда долженъ быть заявленъ нами въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, — въ этомъ авторъ правъ. Но такой протестъ не требуетъ отказа отъ всякой защиты и, тѣмъ болѣе, отъ произнесенія рѣшенія на судѣ. Наше участіе въ судѣ есть продолженіе нашей борьбы въ явѣ, и, какъ въ этой борьбѣ мы не ограничиваемся тѣмъ, что протестуемъ, но и разоблачаемъ въ подробностяхъ политику нашего врага и агитируемъ противъ него и въ пользу нашихъ идей, — такъ и на судѣ мы должны активно раскрывать всю гнусность царскаго правосудія и разивать нашу программу. Вотъ почему участіе въ судебномъ слѣдствіи въ цѣляхъ разоблаченія и примѣнъ жалобщикаго дознанія и пользованія правомъ подсудимаго слова — для защиты своихъ убѣжденій, — представляется важнымъ орудіемъ политической борьбы нашей партіи, отъ употребленія котораго намъ не приходится отказываться. Мы укажемъ здѣсь на примѣръ такого политическаго дѣятеля, какъ Желябовъ. Въ процессѣ 1 марта Желябовъ протестовалъ противъ самого суда, но это ему не помѣшало воспользоваться всѣми своими правами для продолженія борьбы и въ теченіе судебного слѣдствія и въ защитительномъ рѣчи. И было бы болѣе урономъ для дѣла, если бы Военный, Заломовъ, Самыгинъ и др. осужденные сошли со сцены, не сказавъ споконъ по слѣдствію агитационныхъ рѣчей. Что касается взгляда тѣхъ, которые подчеркиваютъ необходимость «беречь силы для будущаго», то само собой разумѣется, что руководство исключительно однимъ этимъ соображеніемъ не можетъ быть признано правильнымъ. На судѣ революціонеръ представляетъ, какъ мы знаемъ, передъ извѣстной частью общества свою партію и обязанъ выполнить эту роль съ достоинствомъ. Но это, конечно, еще не значитъ, что революціонеръ при всякихъ условіяхъ долженъ идти на встрѣчу обвиненію и собственнымъ признаніямъ, вырывать судей изъ затруднительнаго положенія, въ какое онъ часто попадаетъ, благодаря отсутствію матеріальныхъ уликъ. А безцеремонности нашихъ обвинителей такова, что они не отказываются и не будутъ отказываться отъ привлеченія къ суду тѣхъ или другихъ лицъ на основаніи одного «внутренняго убѣжденія». Истинно, что въ саратовск. процессѣ одна изъ убывшихъ была осуждена, благодаря тому, что заявила о своей солидарности съ товарищами, хотя прокуроръ отказался отъ тѣхъ данныхъ жалобщикаго дознанія, которые только имѣлись противъ нея. Очевидно, что въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ добиваться (кассацией) оправданія. Тамъ, гдѣ можно суду заставить оправдать обвиняемаго за недостаткомъ уликъ, это должно быть сдѣлано, ибо мы слишкомъ бѣдны силами, чтобы отдавать ихъ добровольно во власть врага. Дѣло такта революціонера, дѣло его революціоннаго чутія — понять, когда чисто-юридическая почва самозащиты должна быть покинута.

Мы надѣемся, что партія наша займется этимъ важнымъ вопросомъ. Нока же пожелаемъ широкаго распространенія печатаемому нами письму «изъ за рѣшетки», которое не одного молодого борца заразитъ своимъ идеалистическимъ энтузіазмомъ.

Здравствуйте товарищи! Шлю вамъ свой горничій привѣтъ и лучшія пожеланія. Намъ долго занималъ вопросъ о кассации. Думали, что кассация необходима для того, чтобы лишній разъ показать, что у насъ нѣтъ законовъ, что у насъ царитъ проказъ и что даже такое пышное судебное учрежденіе, какъ сенатъ, является простымъ орудіемъ въ рукахъ правительственна и что онъ готовъ каждую минуту въ корень нарушить даже тѣ законы, правителями которыхъ онъ является. Разбирая полезность кассации съ этой стороны, мы упустили изъ виду, что она можетъ дурно подѣйствовать на малосознательныя массы, которые не смогутъ разобраться въ юридическіхъ тонкостяхъ и припишутъ намъ желаніе, котораго у насъ нѣтъ и не было, а именно желаніе смягчить свою участь. Подобное послѣдствіе, какъ роняющее настроеніе, созданное демонстраціей, разумѣется, для насъ страшно нежелательно и когда мы лучше разберемся въ этомъ вопросѣ, то рѣшительно откажемся отъ кассации. Подали кассацию только тѣ лица, которые на судѣ не признали себя сознательными участниками демонстраціи. Не знаю, какъ вы находите мою рѣчь; я, со своей стороны, очень ею недоволенъ. Она недостаточно продумана и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прямо патетична. Постарайтесь объяснить вамъ, отчего она вышла у меня неудовлетворительной. Надо вамъ сказать, что я вообще противъ тактики, которой мы держались на судѣ, и привлекъ къ ней чуждо изъ чувства товарищества. Я сначала двоемъ, а потомъ одинъ противъ всѣхъ, отстаивалъ совершенно противоположную тактику. Я настаивалъ на томъ, что мы должны отказаться отъ всякой защиты, что должны сами заявить на судѣ о томъ, что не признаемъ надъ собой никакого суда, что всякій судъ надъ собой признаемъ насильемъ, а судей — простымъ орудіемъ въ рукахъ правительства, которое не останавливается ни передъ какими средствами, чтобы сломить своихъ враговъ. П думалъ раньше и теперь такъ думаю, что при такой тактикѣ получился бы болѣе яркое и сильное впечатлѣніе отъ всего нашего процесса. И мой советъ товарищамъ держаться въ будущемъ подобной тактики. Вамъ, наѣрное, интересно знать, какъ пришлось большаство осужденныхъ теперь къ рѣшенію говорить на судѣ и какъ бы признавать законность суда? У насъ было три направленія: первое, котораго и придерживаюсь, я уже описалъ; второе заключалось въ томъ, что мы, дескать, должны беречь свои силы для будущаго и сдѣлать все отъ насъ зависящее, чтобы получить болѣе мягкое наказаніе; третьимъ направленіемъ было то, котораго и держалось на судѣ большаство осужденныхъ. Словомъ, и самыхъ оживленныхъ, конечно, была масса, такъ что долго не могли придти къ какому-нибудь опредѣленному рѣшенію. Одно время думали, что само собой выйдетъ такъ, что мы окажемся безъ защитниковъ. Какъ намъ уже извѣстно, въ самую разгаръ нашихъ разговоровъ у насъ произошло столкновленіе съ тюремной администраціей, кончившееся голодовкой. Мы отказались тогда не только отъ пищи, но и отъ прогулокъ, и отъ свиданій, а, слѣдовательно, связь наша съ внѣшнимъ міромъ была нарушена. Для подачи заявленія о желаніи имѣть защитника намъ дали недѣльный срокъ и онъ могъ пройти раньше того времени, когда мы вновь могли бы сносіться съ внѣшнимъ міромъ. Итакъ, мы думали, что голодовка затянется и мы не будемъ имѣть возможности снестись съ адвокатами и вопросъ о защитѣ падетъ самъ собой. Я былъ отправленъ въ больницу и попалъ въ тюрьму какъ разъ въ послѣдній день срока, въ который можно заявить о желаніи имѣть защиту. Прибывъ въ тюрьму, я узналъ, что всѣ уже подали заявленія и что, слѣдовательно, въ обоихъ процессахъ будетъ защита. Мое предложеніе было провалено и я тоже присоединился къ остальнымъ. У насъ было очень мало времени для того, чтобы, какъ слѣдуетъ, обдумать свои рѣчи на судѣ. И, на примѣръ, набросавъ свою рѣчь въ самое послѣднее время въ теченіе сутокъ. О серьезной обработкѣ не могло быть и рѣчи, такъ какъ въ воскресенье

у насъ были защитники, съ которыми мы провели большую часть дня, а въ понедѣльникъ насъ подняли въ четыре часа утра и отвели на судъ. Еще одно обстоятельство мнѣ сильно повредило. Защитники утѣряли насъ, что мы не должны допускать въ своихъ рѣчахъ никакой рѣзости и что въ противномъ случаѣ насъ сослѣдуютъ лишитъ слова. Разумѣется, рѣчь уже мы пригласили защитниковъ и рѣшили говорить на судѣ, то намъ во чтобы то ни стало надо было высказаться. Пришлось приспосабливаться, стараться придать рѣчи болѣе мягкую форму и въ то же время все сказать. А знаете вы басню Крылова, въ которой говорится: «Бѣда, коль паровъ начнетъ пѣча сапожникамъ, а сапоги точатъ пирожникамъ»? Тамъ и мы до нѣкоторой степени записались не за свое дѣло. Гдѣ же тамъ у чертей мы привыкли рѣчи говорить, а тутъ хочешь не хочешь, пришлось говорить! Мнѣ теперь страшно досадно, что я не смогъ провести своей рѣчи на судѣ и что не употребилъ всѣхъ возможныхъ, находящихся у меня въ рукахъ средствъ. Ну, да теперь ужъ поздно, — сжавъ голову, во волосы не плечутъ! Вотъ если бы снова пришлось намъ судиться! Я думаю, что нашимъ опытомъ воспользуются другіе — адуше за нами.

Мы теперь вычеркнуты изъ списка живыхъ и опасаемся, что на мѣстѣ сознательныхъ рабочихъ получимъ наши наказаніе пропавшихъ дурное впечатлѣніе, запугаетъ насъ до нѣкоторой степени. И бы дорого дало за то, чтобы опасенія эти не оправдались. Тамъ, на волѣ, все представляется въ болѣе ужасномъ видѣ. На самомъ же дѣлѣ всѣхъ насъ наказаніе — сущіе пустяки. Самое болѣе, что въ насъ власт, это то, что они могутъ отнять у насъ жизнь. Вотъ если бы они могли отнять у насъ нашу убѣжденія, — это было бы, дѣйствительно, ужасно. У насъ противъ нашихъ враговъ является сильнѣйшее оружіе, — это вѣра въ правоту нашего дѣла, вѣра въ близкую побѣду, вѣра, что на наше мѣсто встанутъ товарищи, болѣе сильные духомъ, чѣмъ мы, вѣра въ то, что съ каждымъ днемъ число борцовъ за свободу и справедливость увеличивается и что борцы эти на полдорогѣ не остановятся, доведутъ свое дѣло до конца и отдадутъ всю свою кровь до капли за наше дѣло. Я скажу вамъ, что за все время моего сидѣнія въ тюрьмѣ ни разу мной не овладѣла слабость, — напротивъ, настроеніе все время повышалось. И только жалѣть, что не получаю образованія, тамъ какъ образованный человекъ можетъ сдѣлать гораздо болѣе, чѣмъ мало развитый, и я чувствую за собой слабость въ этомъ отношеніи. И теперь совершенно убѣдился, что тюрьма не въ состояніи сломить ни энергіи, ни силы убѣжденія; она, напротивъ, закаляетъ человека, дѣлаетъ его болѣе непримиримымъ — и я говорю не по теоріи, а сама на себѣ испытывая все это. П жалѣю не однимъ: что такъ мало могу дать нашему родному дѣлу — дать только одну жизнь!... П бы пошелъ теперь на муки, на пытки, а мнѣ дали... всего вѣчную ссылку.

Шлю я всѣмъ товарищамъ свой горничій, братскій привѣтъ. Пусть меня ляхомъ не поминаютъ. Я знаю, что дѣлалъ много ошибокъ, знаю, что мной много было недовольныхъ. Меня можно упрекнуть во многомъ, но если я и поступалъ иногда, не согласуясь съ мнѣніемъ своихъ товарищей, то мной руководило исключительно желаніе болѣе сдѣлать для общаго великаго дѣла. Въ этомъ дѣлѣ заключается весь смыслъ, вся цѣль, всѣ наиболѣе страстные желанія моей жизни.

Да! я теперь вычеркнутъ изъ жизни! Но пока у меня останется хоть капля крови, во мнѣ не умретъ неумержимая страсть, нов стремленіе къ свободѣ, не умретъ твердая вѣра въ нашу неизбежную побѣду надъ врагомъ. Да! Жизнь идетъ впередъ. Она требуетъ все болѣе и болѣе самоотверженности и стойкости у борцовъ за свободу. И мы пойдемъ ей на встрѣчу, товарищи; мы отдадимъ ей всѣ наши силы, всѣ безъ остатка. Счастливы мы, что живемъ въ такое славное время. Намъ не приходится искать пути къ безропотному мрамъ, какъ приходилось это дѣлать людямъ, расчлѣпавшимъ нашъ путь. Намъ не мучаютъ сомнѣнія, то-ли дѣло мы дѣлаемъ, которое нужно, необходимо для блага народа. Передъ нами лежитъ широкая прямая дорога, въ концѣ которой виденъ входъ въ болѣе свѣтлую жизнь. Правда, — на этой дорогѣ много препятствій, но мы полземъ эту дорогу своею кровью и алыми рывками своихъ тѣлъ, и ничто ужъ не остановитъ побѣднго шествія борцовъ за народное счастье и свободу. Да! счастливы мы, что не родились сотней лѣтъ поздне, что имѣемъ возможность отдать свои слабыя силы за дѣло и счастье всего человѣчества! Что еще сказать вамъ? П отъ всей души обнимаю своихъ товарищей по дѣлу и желаю имъ болѣе счастья, болѣе успѣха въ ихъ дѣлѣ. Нравственная связь между нами никогда не порвется, хотя насъ будутъ раздѣлять громадные пространства. Крепко жму руки. Привѣтъ вамъ, смѣлымъ сердцамъ!

О ДВУЛИКОМЪ ДЕМОКРАТІИ.

Грандиозное митингъ, вѣсь дня въ день сходящійся подъ открытымъ небомъ, въ виду дѣлштыковъ. Тысячи народа, внимающій рѣчамъ оратора. Громада-толпа, сомкнувшая ряды вокругъ трупа товарища. Громада, дерущаяся какъ левъ, ломающая пали, обезоруживая непріятеля...

Мы не знаемъ изъ исторіи нашего движенія другого момента, равнаго — по трагической красотѣ и историческому смыслу — этой провинціальной стачкѣ!

А между тѣмъ, посмотрѣте: ростовская стачка проходитъ, на добрую долю, мимо сознанія современнаго зрителя. Какъ напряженно слѣдила оппозиціонная Россія 1896 года за всѣмъ веригетіемъ петербургскихъ событій. Стачка ткачей казалась своего рода откровеніемъ, прообразомъ возможнаго и близкаго освобожденія. Рабочій человѣкъ сталъ вдругъ à l'ordre du jour, тѣмъ магнитомъ, къ которому влекутся сердца и тянутся мысли. Прошло шесть съ половиною лѣтъ. Молодое движеніе разрослось, окрѣпло. Одникогда-то побѣги развѣивались и покрывали своей сѣтью Россію. Гдѣ только высятся фабричное зданіе и раздается заводскій гудокъ, тамъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе шевелится трудящаяся масса и все болѣе разгорается революціонный протестъ. И вотъ, наконецъ, эпопея въ Ростовѣ...

О провѣдшемъ въ Ростовѣ говорятъ, какъ говорятъ и о многомъ другомъ въ наше богатое новинками время: о сельскохозяйственныхъ комитетахъ, о воронежскихъ земцахъ, о вострыбѣ Качура, объ амнистіи съсланнымъ студентамъ. Но странное дѣло: въявнѣ демократіи — вообще возбужденное — регистрируетъ яже событіе, не связывая съ нимъ какихъ-либо повышенныхъ надеждъ.

Почему же? — Да потому, что вчерашній «магнитъ» потерялъ свою силу, потому что широкіе слои интеллигенціи, даже революціонно-настроенной, ушли изъ сферы его притяженія. Конечно, пробуждающійся пролетаріатъ — не прежнее неподвижное крестьянство, и нынѣ переживаемое демократіей настроеніе во многомъ не походитъ на старый эпизодъ интеллигентнаго отказа отъ народа. Пролетаріатъ — по нынѣшнимъ временамъ — нельзя скинуть со счетовъ на одной изъ разновидностей современныхъ теченій. Отсюда неизбежное слѣдствіе — специфическая форма новѣйшаго «разочарованія»: идея пролетаріата, руководящаго освободительной борьбой, смѣняется идеей освободительной борьбы, въ которой пролетаріату отведено подчиненное мѣсто.

Культурное и политическое освобожденіе Россіи не можетъ быть ни исключительно, ни преимущественно дѣломъ одного класса, одной партіи, одного ученія — говорятъ демократія устами литературнаго своего представителя — «разочарованнаго» г. Струве (см. «Освобожденіе» № 1).

Что могутъ интеллигенція и пролетаріатъ безъ крестьянства, а тѣмъ болѣе вопреки крестьянству? — спрашиваетъ болѣе активная часть той же демократіи, тамъ называемые социальны революціонеры. И отвѣтъ гласитъ — ничего. Даже и въ томъ случаѣ, если крестьянство останется пассивнымъ, оно въ лицѣ

своихъ сыновъ, одѣтыхъ въ солдатскіе мундарты, затухнетъ поднявшійся пожаръ. Тогда одинъ только неуловимый и непобѣдимый «терроръ» быть можетъ, спасетъ еще положеніе (см. «Рев. Россію», № 8. Отъ крестьянскаго союза партія социаль-стопъ-революціонеровъ»).

Поворотъ въ умѣ демократіи — совершившійся фактъ. Но подготовлялся этотъ поворотъ исподволь, долго, рядомъ воздѣйствій, бывшихъ въ одну точку, взятыя представленіе демократіи о возможномъ соотношеніи общественныхъ силъ. Демократія весьма скоро замѣтила начинающееся броженіе пролетаріата — уже при первыхъ его дебютахъ. Дебюты поразили ее, но не дали ей разумѣнія. Она не понимала и не могла понимать дѣянія, въ существѣнныхъ своихъ частяхъ невѣдомаго взору сторонняго зрителя. Только нарочито острые и сравнительно рѣдкіе — особенно въ началѣ движенія — моменты выступали на свѣтъ широкой общественности. Наоборотъ, повседневные, будничные факты, тѣ несчастныя слагасмы, которые, суммируясь, и составляютъ душу движенія, которая растетъ и формируетъ борцовъ, проходила, не оставляя слѣдовъ въ сознаніи, извъ представляясь малоприятнымъ, стоящими внѣ связи съ основнымъ мечтой демократіи. И даже тогда, когда революціонно-настроенная часть ея, уже много позже, сдѣлала попытку подойти къ рабочимъ массамъ, она принесла прежде всего — свой грузъ демократическаго непониманія. Въ гордости сознанія «революціоннаго» превосходства, она сумела лишь сверху внизъ поглядѣть на всю предшествовавшую ей «мрачную», «почти культурную», «съ двухъершковымъ размахомъ» работу и всѣ «формы» много-лѣтней пролетарской «борьбы» — ничто же сумяса — приравнять къ «экономизму»).

У демократіи не нашлось элементарныхъ предпосылокъ для пониманія того механизма, при посредствѣ котораго совершается ростъ политическаго сознанія въ массахъ. У нея не оказалось и надлежащаго масштаба для опредѣленія темпа рабочаго движенія. Движеніе выросло шире и глубже, но не произвело еще ослабительнаго для всѣхъ эффекта. Рабочій становился съ каждымъ днемъ все сознательнѣе, но готовый революціонный боецъ не выходилъ изъ него — со вчера на сегодня — какъ Мисерла изъ Юпитера. Вѣдь, рабочій народъ не демократическая интеллигенція, такъ легко воспламеняющаяся и такъ же легко потухающая. Идея, чтобы стать достояніемъ массы, должна войти въ плоть и кровь этой массы, осязаться ею, какъ нѣчто конкретное. Естественно, что — при такихъ условіяхъ — пробужденіе рабочаго класса казалось нестерпимо медлительнымъ и уже, конечно, не отвѣчающимъ на тѣ запросы, которые предъявляла къ нему либушан опора демократіи. Улыта дѣлать, когда то будетъ! Интересъ, первоначально возбуждавшій пролетаріатомъ, слабѣлъ, и надежды, къ нему приуроченныя, облетали, что засохшіе листья, по мѣрѣ того, какъ демократія сама начала шевелиться, а вновь возникающіе центры броженія все болѣе отодвигали къ себѣ вниманіе. Студенческая среда явилась первымъ подобнымъ центромъ. Какъ и вся демократія, она винила въ себѣ то возбужденіе, которое шло къ ней изъ рядовъ пролетаріата, но, разъ винила, развила его въ самостоятельное движеніе съ болѣею притягательной силой и съ долгею преміа непритягательнымъ вліяніемъ. Въ противоположность броженію рабочихъ массъ, здѣсь все было значительно и важно для демократіи. Каждый шагъ находилъ себѣ резонансъ, всякая мелочь подхватывалась молвою. Тысячи нитей пролегли между учащейся молодежью и оппозиціонно-настроеннымъ обществомъ. Все было свое, близкое, въ чемъ каждый членъ этого общества аинтересовалъ кровно, а не только отраженно, черезъ посредство болѣе или менѣе отдаленныхъ цѣлей. Что дальше, то болѣе дѣло молодежи становилось дѣломъ всей демократіи. Вытѣсь со студентами свистилась демократія на улицу. Вытѣсь со студентами прошла черезъ эволюцію борьбы обостряющейся и несвязанной органически съ массама. Вытѣсь болѣла она и вытѣсь разовалась. Дѣйствительные или кажущіеся успѣхи движенія подымали духъ демократіи, взманили ея представленіе о собственныхъ силахъ, о ея возможномъ значеніи.

Правда, полицейскія репрессіи сыпались градомъ. Свободолюбивое студенчество исклѣчалось, сдвигалось въ солдаты, ссылалось въ Сибирь. И тѣмъ не менѣе, въ правительственной машинѣ — при полномъ ходѣ колеса — начинала чувствоваться какъ бы колебленія. Послѣ хлещущей нагайки — зрѣл сердечнаго пожеланія. Посредствіи оргіи политическихъ процессовъ — нивальная «амнистія» московскимъ студентамъ. Врагъ не только крушится, но и обжигается; не только куражится властью, но и пускается на военныя хитрости — вѣрный симптомъ не впасть вътрепшой въ себѣ силы!

Опытъ студенческаго движенія, обладевшая, казалось, говориль о возможности самостоятельнаго пути демократическаго развитія. Демократія чѣтъ необходимости приспособляться къ то бы то и стало въ движеніи массъ и ждать отъ массъ рѣшающаго слова. Напротивъ того, — умѣло пользуясь массами и развивая въ то же время собственную независимую программу дѣйствій, демократія скорѣе всего пристанетъ къ завѣтной првствани конститудіоннаго режима.

И въ самомъ дѣлѣ, въ сланъ съ этимъ «опытомъ», прижавшимся на почвѣ, удобренной разочарованіемъ, стоитъ новолѣтне новѣвшихъ вѣтвей въ русской демократіи. Только освободивъ сознаніе отъ угнетающаго ее призрака пролетарской гегемоніи и демократическаго безсилія, демократія ощутила, наконецъ, въ себѣ силы — освободить в свою логику изъ плѣна социалистической теоріи.

Вытѣсь съ ростомъ политическаго возбужденія, шедшаго изъ очаговъ университетскихъ волненій, демократію все сильнѣе охватывало равнодушно-скептическое отношеніе къ интересамъ социалистическаго развитія. Эмансипированному отъ пролетаріата общественному слою не надо было болѣе приспосабливать социалистическаго ученія къ потребностямъ своей психологіи. Вступивъ на путь «самостоятельнаго» дѣйствія, демократія выбрасывала за бортъ, какъ ненужный для своего полета балластъ, всѣ ранѣе занимавшія ее положенія. Ненавистна, конечно, «ортодоксія»; но извѣщая, понаудай, и «краткая». Освобожденная демократія не нуждается въ иномъ доуныгѣ, какъ — бей самодержавіе! — и признаетъ лишь вѣтвій момента. Вотъ почему, какъ послѣдняя переходная ступень къ откровенному разрыву съ общеправдъ традиціей, какъ своего рода приговорительный классъ для формирующейся либеральной демократіи, началъ распространяться и пріобрѣтаетъ значеніе въ кругахъ интеллигенціи тотъ видъ кокалдетаго — съ позволенія сказать — «социализма», который удачно сочетаетъ размыслистую революціонную вѣтвию — столь существенно необходимую для успѣха въ наше бурно-подвижное время — съ пустопронимымъ нутромъ, наполненнымъ каждымъ по желанію. Но въ то время, когда часть демократіи еще хранитъ — какъ хранятъ иногда ня мѣ чему непригодная, но почему либо памятная вещь — безразличную оболочку социализма — во имя годовъ закрѣпленной связи между социалистическими тенденціями и революціоннымъ настроеніемъ русской молодежи, другая ея часть шествуетъ бойко впередъ по пути ликвидаціи старыхъ понятій.

Мы рекомендуемъ товарищамъ обратить свое вниманіе на новѣйшую пробаціонъ де Іоі этой эмансипированной демократіи. Въ 14-мъ № «Освобожденія» помѣщено «открытое письмо» «ссланнымъ въ В.Сибирь студентамъ» Москвы и Петербурга, — «всѣхъ, за исключеніемъ немощныхъ». Въ этомъ письмѣ нѣтъ, конечно, и зерна социализма, но нѣтъ и его суррогатовъ, въ то есть послѣдовательно проведенная точка зрѣнія либеральной демократіи, только что проваведшей себя — подъ опьяняющимъ впечатлѣніемъ студенческихъ исторій — въ «авангардъ» освободительной борьбы, въ «высшаго представителя русской культуры».

Студенческая полнѣнія — говорить этотъ привѣтательный документъ — встряхиваетъ все русское общество отъ его самыхъ верхнихъ командующихъ до глубокихъ и угнетенныхъ слоевъ; ... Они дѣлаются яркими и истиннымъ выраженіемъ обществен-

объясняет этот раскол? И какая из расколовшихся сторон играла прогрессивную роль: та ли, которая требовала, чтобы во всем, студенческого дѣла? студенты не переходили на почву политическую и не измѣняли «трудную дѣлу солидарной работы», — или другая, съ легкимъ сердцемъ усвоившая «ремесло раздѣленій и расколовъ»? Мы боимся, что этотъ вопросъ можетъ поселить «расколъ» даже въ дѣлѣ взаимно-примирительномъ сердца нашего критика...

Пойдемъ далѣе. Киевскій Союзный Совѣтъ не удержался на голый почвъ резолюцій 1902 г., — да и не могъ удержаться: его толкала внутренняя логика революціонной работы. Выдвинувъ радикальную демократическую программу, студенчество стало лавомъ къ дѣлу съ задачами революціонной тактики. Къ этому времени благополучно родилась Боевая Организация, — и студенчество пришлось рѣшить вопросъ о систематическомъ террорѣ. Киевскій Союзный Совѣтъ сказалъ свое террористическое «да». Тѣмъ самымъ онъ сказалъ социал-демократіи свое «нѣтъ». Это естъ право. Но не перенесъ ли онъ «междофракціонный» раздѣленіе въ общестуденческое дѣло? И могъ ли онъ нѣтъ не сдѣлать? И нѣтъ ли тутъ ущерба такъ называемой «дружной и солидарной работѣ»? Или ущербъ устраняется нависшимъ политическимъ заявленіемъ, что «студенчество не можетъ отдавать предпочтенія»?

А сама «Рев. Рос.» объясняетъ ли она оберегаемому ею отъ расколовъ студенчеству весь вредъ террористическихъ тяготѣній, отъ нихъ же раздѣленіе, раздѣленіе и дезорганизационныя, — ибо, насколько известно, терроръ не составляетъ общестуденческаго дѣла? Нѣтъ, не объясняетъ. Наоборотъ, она находитъ, что студенчество «высказало политическое чутье, выдвинувъ изъ своей среды героя — Карповича». Конечно, въ этой догматической, полусамовольческой фразѣ нѣтъ никакого содержанія. Но дѣло ея, разумеется, — поощрять студенчество къ дальнѣйшимъ проявленіямъ «политическаго чутья». Насколько намъ извѣстно, терроръ не принадлежитъ къ тѣмъ пунктамъ революціонной тактики, которые способствуютъ всеобщему «примиренію». Не думаетъ же «Рев. Рос.», что террористическое «чутье» успѣло дѣлаться «инфракраснымъ» качествомъ.

Конечно, не думаетъ — и, тѣмъ не менѣе, выражаетъ надежду, что «социалистическая часть студенчества будетъ стремиться... чтобы студенчество поддерживало всѣмъ силами всѣ проявленія освободительной и (?) революціонной борьбы — будущія то рабочія демонстраціи, террористическіе акты, (курсивъ нашъ), продѣ Карповича или Балашева и т. п.» Далѣе это той же «Рев. Рос.» мы слышали, что «рабочія демонстраціи» могутъ оказывать деморализующее вліяніе и что до поры до времени ихъ умѣсто замѣнить «террористическими актами, продѣ Карповича или Балашева». Социал-демократіи этого не думаетъ. Какъ же бы опасному студенчеству, которое не можетъ отдавать предпочтенія?

Да, пора читателямъ «Рев. Рос.» расшифровать немудрые «примирительные» шифры органа «партии соц. рев.» Пора понять, какъ пустошны, какъ фальшивы безразличныя рѣчи о «примиреніи» и «объединеніи» со стороны тѣхъ людей, которые по всей лѣтній ведутъ ожесточенную борьбу противъ пролетарскаго міровоззрѣнія!

Всюду я вездѣ они стараются сбить скептическія, толпы скептическія къ основанію научнаго социализма и къ методамъ классовой пролетарской борьбы, — вѣту свою «критическую» работу они приписываютъ глубокосмысленно-авторитетнымъ фразамъ на тему о томъ, что «самостоятельно выработаннымъ убѣжденіемъ» легче наклеиваемыхъ фракціонныхъ ярлыковъ, чѣмъ «революціонная организационная (не въ примѣръ Искрѣ) могутъ привнести развитие объединеннаго студенческаго движенія» и пр. и пр. По поводу этихъ банальностей мы можемъ лишь съ недоумѣніемъ показать плечами и подивиться, какъ это мысленныя люди могутъ не задуматься въ атмосферѣ, насколько пропитанной лавиной непониманія?

ГОЛОСЪ РАБОЧАГО.

«Что намъ болѣе всего нужно?», подѣлитъ вниманіемъ было помѣщено письмо въ изданный ред. «Свободы» брошюрѣ: «Рабочіе и интеллигенція». Авторы этого письма старались доказать необходимость изгнанія интеллигенціи изъ рабочей среды и для этого приводятъ слова Маркса: освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ. Замѣчательно то, что многія мѣста самой статьи отрицаютъ смыслъ всей оной. Възвѣтъ хотя бы слова, которыми она начинается: освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ. Педикольная мысль! Да, было бы безуміемъ думать, чтобы въ рабочемъ классѣ принимали участіе члены рабочаго класса; но что еще не значитъ, что мы должны выгнать всѣхъ тѣхъ социалистовъ, которые не занимаютъ фактически трудомъ. Если мы такъ будемъ думать, то мы скорѣе окажемся сентиментами, чѣмъ социалистами. Мы, какъ партия социалистовъ, признаемъ всѣхъ тѣхъ, кто чувствуетъ нашему дѣлу, мы не хотимъ знать, къ какому классу человѣкъ принадлежитъ по рожденію, роль мы знаемъ, что инъ социалистъ. Главная бѣда въ томъ, что многіе не понимаютъ, что такое рабочіе и интеллигенція, и провозгласить рѣзкую грань между ними. Но если мы себѣ выискиваемъ, что подѣ словомъ «интеллигентъ» мы не подразумеваемъ извѣстную форму, оболочку, ярлычекъ, а сознательнаго человѣка, т. е. человѣка, который могъ бы быть руководителемъ, организаторомъ, агитаторомъ, пропагандистомъ, тогда мы свободно эту грань можемъ стереть, а законченное слово «интеллигентъ», что такъ пугаетъ пугающаго корреспондента, игнорировать. Конечно, въ нашу среду часто попадають буржуазные интеллигенты, которые, дѣйствительно, не обращаютъ никакого вниманія на дѣло. Но, вѣдь, это только воля въ оговорку! Но если типовые омысливаются въ нашихъ центрахъ, то нѣтъ этого отъ насъ не слѣдуетъ сказать, что мы должны выгнать всѣхъ социалистовъ, которые не имѣютъ мозговъ на рукахъ. Напротивъ авторы старались объяснить всѣмъ неустойчивость тѣмъ, что въ организмахъ сидятъ интеллигенты. Если бы авторы обвинительнаго акта не страдали курьезной слѣпотой, то она весьма легко могла бы убѣдиться въ томъ, что наша организационная получаетъ сильныя толчки не потому, что интеллигенты стоятъ во главѣ нашихъ центровъ, а потому, что мы до сихъ поръ еще находимся на ступенѣ нустаричества, у насъ нѣтъ надлежащей организационной, организационная наша не централистическая, а мелко-кустарническая. По мѣсто о необходимости централизаціи разсуждаютъ авторы нервы. Они знаютъ, что у насъ часто отсутствуетъ необходимая конспирація, они смѣтутъ компетенту дѣйствовать особенно осторожно, но это не мѣшаетъ ему патетически возносить по адресу сторонниковъ централизаціи: «какъ можно внести паризма въ дѣло свободы»!

Самый большой грѣхъ интеллигентства, по мнѣнію автора письма, состоитъ въ томъ, что они отрицаютъ самостоятельность рабочихъ. По если въ этомъ можно упереться накой-либо вѣтъ организационно, то у насъ не «Искра» и не «Заря», ибо кто первый, если не «Искра», указавъ на необходимость выработать изъ рабочей среды организаторовъ, агитаторовъ, пропагандистовъ? «Искра» и говоритъ, что мы должны посвятить всѣ наши силы выработкѣ такихъ рабочихъ, которые могли бы съ успѣхомъ

выполнять роль членовъ комитетовъ. Кто знаетъ, какъ сложна работа правленія дѣйствующей организаціи, какъ многообразны и разнообразны ея функціи, тотъ пойметъ, что въ таковой работѣ, направленной на достиженіе своихъ задачъ Комитетомъ, масса будетъ принимать самое активное участіе. Поставьте правленію конспиративную организацію революціонеровъ, и вамъ будетъ не трудно заботиться о томъ, чтобы правильно развивалась самостоятельность массы.

Если наши петербургскіе товарищи настаиваютъ на томъ, чтобы всѣ конспиративныя дѣла вѣдала вся масса и всѣ были руководителями, то это только свидѣтельству о томъ, какъ плохо они знаютъ психологию массы и то, при какихъ условіяхъ живетъ русскій социалистъ. Если бы нашъ грозный судин не смотрѣлъ такъ узко на дѣло, онъ бы убѣдился, что централизація есть дѣло печальной необходимости.

Пойдемъ далѣе. Наша организація еще слаба, но она уже силѣ. Всѣ враги рабочаго класса боятся ихъ. Поэтому, надо стараться укрѣпить существующія организаціи, завязать новыя, гдѣ еще нѣтъ ихъ, и стараться связать ихъ въ одну рабочую партію. Истина неопровержимая! Но спрашивается, думаетъ-ли, работавъ-ли въ этомъ направленіи кто-либо изъ всѣхъ органовъ, промѣ Искры? Болѣе всего удивительно, что именитѣ, кто такъ тонко понималъ необходимость сплоченія всѣхъ группъ въ одну сплоченную партію, протестуютъ противъ постановленія о признаціи «Искры» и «Зари» руководящими органами! Протестъ ихъ есть только выраженіе необходимости «явнѣе» и «мнѣндровъ» для нихъ же, въ качествѣ каковыхъ и является востанчивѣйшій Л. Надеждинъ. Поощряемые имъ, они не стараются выкинуть въ суть дѣла и продолжаютъ кричать (и при этомъ довольно безсознательно), что мы въ настоящее время не окаянъ изъ существующихъ органовъ не можемъ признавать выходящимъ наше направленіе, и желаемъ переорганизоваться и выработать собственную программу и уставъ. Да вѣдь это ребенята, который, желая показать, что онъ уже взрослый, одѣваетъ сапоги своей няньки и, получая отъ нея похвалы, не замѣчаетъ, какія мозоли натеръ онъ себѣ на ногахъ. Дѣло это болѣе и лаской не выноситъ, укрѣпить насъ авторъ письма. Каждый потерянный день много значить, пора намъ, какъ слѣдуетъ, за дѣло взяться! Въ этомъ отношеніи и вполнѣ согласенъ съ авторомъ, но не хочу быть такъ слѣпъ, какъ онъ, ибо наше дѣло, дѣйствительно, застон не выноситъ, и мы должны принять самыя рѣшительныя мѣры. Поэтому, каждый честный соц.-дем. долженъ желать, чтобы во главѣ нашихъ организацій стояли самыя сознательныя товарищи, и при этомъ не приписывать у нихъ паспорта и не смотреть пѣч на ладони.

Л. Надеждинъ, нашъ интеллигентъ, сильно оскорбленный петербургскимъ протестомъ противъ интеллигентствъ вообще, употребляетъ всю свою мораль для притѣвленія протестующихъ за убои ихъ пониманія, но при этомъ старается не раздражать капризно ребенка и приобрести его расположеніе. И вотъ онъ ему напечатываетъ колыбельную пѣсню на всѣхъ демократическихъ мотивахъ, какіе только есть въ его распоряженіи. Какъ пріятно это ласкаетъ его собственное ухо! И, зажмуривъ глаза, онъ не обращаетъ вниманія на ту грязь, нѣтъ можетъ свое собственное. Надеждинъ, какъ демократъ, улавливаетъ всѣ слабыя стороны читателя и желаетъ обратить ихъ въ сильное оружіе противъ своихъ оппонентовъ, но для принятія дѣлается это такъ, чтобы не было замѣтно. Онъ начинаетъ громить интеллигенцію и между строкъ вставляетъ факты въ ея оправданіе. Потомъ опять нападаетъ на нее съ тылу, желая разбить па голову, но изъ великодушія этого не дѣлаетъ, и только такъ, слегка, толкаетъ ее въ загривокъ и уходитъ далѣе. Главное его стремленіе, это — не подорвать доверія рабочихъ къ интеллигенціи, а указать, что если есть такіе интеллигенты, которые становятся поперекъ дороги рабочимъ, то это — всерушны. И вотъ онъ начинаетъ съ того, что «Искра», какъ руководящій органъ, ничего не дѣлаетъ въ пользу той массы, которую считаетъ главной своей опорой. Новая волна жалобъ, говоритъ истинный другъ рабочихъ, начавшись со студенческихъ безпорядковъ, подняла духъ интеллигенціи и въ то же время значительно ослабила мысль о самостоятельности рабочихъ. Рабочая среда, нашъ цѣль, какъ-то потуснѣла, отступила на задній планъ; ярые стали выискиваться тотъ рабочій, который выступаетъ на демонстраціяхъ, т. е. самые интеллигентные рабочіе, а на нихъ только и обращаютъ вниманіе! а масса, масса — ничто, масса — пугаетъ противъ маленькой нучки сознательныхъ рабочихъ, — отечески радываетъ Надеждинъ. И, какъ видно, для того, чтобы окончательно унять своего врага, сейчасъ же приводитъ конкретныя факты, какъ-то цитаты изъ отдѣльныхъ номеровъ «Искры». Этихъ выстрѣловъ, какъ видно, думалъ сразить врага въ самое сердце. Но, къ счастью «Искры», онъ стрѣлокъ довольно неопытный. И если бы Надеждинъ не увлекался своей демократіей, онъ бы убѣдился, что собственными словами онъ отрицаетъ само себя. Когда въ «Искрѣ» появилась замѣтка о томъ, что «Искра» назначается для борьбы или менѣе интеллигентныхъ рабочихъ, а для стѣры массы существуетъ агитационная литература въ видѣ листовокъ, брошюръ и т. п., то Надеждинъ съ пріишнѣ подчеркнул: и является руководящимъ органомъ рабочей партіи! Словомъ, онъ въ кожѣ лѣзетъ вопль, чтобы доказать, что «Искра» существуетъ только для интеллигенціи, но нѣтъ не для рабочихъ, и продолжаетъ вопрошать: что за странное раздѣленіе рабочихъ на понимающихъ достаточно сложную для пониманія интеллигентскую «Искру» и на ничего не понимающихъ. Это дѣло полное неясноты рабочей среды, незнаніе того, что въ ней существуетъ очень обширный слой, берущій и въ библіотекѣ, и у знакомыхъ, и покупающій всякія, какія придется, книги и газеты. Этотъ слой достаточно явственъ, у него много запросовъ, и съ нимъ надо говорить серьезнымъ языкомъ. Но если такъ, и мудрейшій философъ, если у насъ, дѣйствительно, есть такой слой развитыхъ рабочихъ (и при томъ еще довольно обширный), то къ чему же кричать до безумія, что «Искра» никакъ не можетъ быть понятна рабочимъ? Для рабочихъ-среднихъ, говоритъ авторъ въ своей замѣткѣ, нужна своя толковая, ясная литература, и для подкрѣпленія этого факта прибавляетъ, что «Искра» навязывается рабочимъ думѣ о канѣхъ-то университетскихъ, аемѣхъ, земскихъ статистикахъ, и еще о канѣхъ-то учрежденіяхъ. Падѣнь, что читатель пойметъ, канѣхъ адѣсь безсознательная промѣ. Если не забыть, что мы, какъ общественное цѣло, не можемъ разсчитывать на успѣхъ до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ критически относиться ко всѣмъ общественнымъ явленіямъ, т. е. пока мы не будемъ сознательно понимать отношеніе однихъ классовъ къ другимъ и всѣ въ совокупности по отношенію къ рабочимъ, — то о сѣла будетъ ясно, почему «Искра» обличаетъ всѣ общественныя явленія и всю закулисную жизнь. И рабочій это читаетъ съ жадностью, и часто, слышавъ часто чувствуется недостатокъ въ такомъ матеріалѣ; какъ видно, рабочіе лучше понимаютъ, что имъ нужно, нежели Надеждинъ. Мы, которые стремимся къ социализму, должны всколыхнуть народное море, явными могучими волнами мы должны давить всей тяжестью на историческій моль. Но не философіей, не астрономіей мы достигнемъ этого; для этого мы должны безразлично будить народныхъ массы, каждое общественное явленіе показать въ полномъ его видѣ, и чѣмъ интенсивнѣе будетъ наша работа въ этомъ направленіи, тѣмъ шире будетъ нашъ авангардъ, тѣмъ больше шансовъ у насъ на успѣхъ. «Искра», и никто другой, задѣлалъ этой цѣлью...

При такихъ обстоятельствахъ ясно, что наша работа становится все сложнее и сложнее, все болѣе чувствуется недостатокъ въ руководящихъ силахъ, и поэтому-то «Искра» обращаетъ вниманіе на канѣхъ-то способныхъ рабочихъ, и если нашъ другъ рабочихъ плачетъ надъ этимъ, то это еще разъ доказываетъ, какъ мало онъ понимаетъ интересы нашего дѣла. И, кажется, не лишнимъ будетъ слова: «давай насъ, боже, отъ друзей, а съ врагами мы и сами справимся». Одесскій рабочій.

Выше мы помѣстили письмо Одесскаго рабочаго по поводу брошюры «Рабочіе и интеллигенція» (новизинскому, это не что

ное, какъ пресловутое приложеніе къ «Отклику»). Той же брошюрѣ посвящена передовая статья № 11 «Южная Рабочая», озаглавленная: «Дѣло освобожденія рабочаго класса должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ». Разъяснивъ значеніе этого дѣла, социалистическаго движенія, редакція справивается тѣмъ, кто, какъ авторы извѣстнаго петербургскаго воззванія, не употребляетъ эти слова: «Зачѣмъ же вы дѣлаете изъ нихъ такое употребленіе? зачѣмъ вы злоупотребляете дорожкой для насъ всѣхъ именемъ? Рабочій классъ долженъ взять свою судьбу въ свои руки. Рабочій классъ... понимаетъ, а не вы: Иванъ, Степанъ и т. д.» остроумно возражаетъ редакція той группѣ, которая воображала, что противопоставленіе рабочаго класса буржуазіи можно подмѣнить противопоставленіемъ социалиста-рабочаго социалисту-интеллигенту.

Въ рабочемъ классѣ, говорятъ далѣе, пробуждается стремленіе къ самостоятельности: онъ сознаетъ себя гражданиномъ, человѣкомъ; по пути нашего самодержавнаго режима не даютъ выхода этимъ стремленіямъ. И прекращаетъ! Столкните рабочій классъ съ этими путями, и онъ разорветъ ихъ. Обострите это противорѣчіе. А вы... что вы предлагаете? Вы предлагаете создать канѣхъ-то миніческія рабочія организаціи, которые могутъ въ лучшемъ случаѣ охватить сотни сознательныхъ рабочихъ, а думаете, что вы призвали къ «самодѣятельности» рабочій классъ. Другіе изъ нашихъ единомышленниковъ предлагаютъ всѣмъ рабочимъ объединиться въ классы, внося, хотѣ двѣ копейки съ заработаннаго рубля. Вы, сама того не зная, играете на руку врагамъ, такъ какъ высто обостреніи противорѣчій, высто того, чтобы заставить рабочій классъ почувствовать во всей силѣ удары бьющихъ его по ногамъ оновъ, вы атакмиваете ему глаза канѣхъ-то мнимой «самодѣятельностью». Или вы, дѣйствительно, настолько наивны, что думаете объединить значительную часть русскаго пролетаріата въ тайное общество?

Призывая къ работѣ надъ организаціей Партіи, редакція замѣчаетъ по поводу нападковъ на «Что дѣлать?» Лепнина: «Къ сожалѣнію, его (Ленина) не только не поняли многіе изъ массы дѣйствующихъ товарищей, но даже такіе, которые претендуютъ на руководящую роль. Многіе приписывали Ленину и его товарищамъ свои собственныя желанія и помыслы. Насъ глубоко возмущаютъ всѣ тѣ разговоры о командованіи и диктатурѣ, которые всегда на устахъ господъ изъ «Борьбы» и отчасти Надеждинъ и родственнаго имъ автора статьи въ брошюрѣ «Рабочіе и интеллигенція». Простите всякія непріятныя фразы о командованіи, такъ канъ въ данномъ случаѣ онъ болѣе оскорбителенъ для провозносимыхъ, чѣмъ для того, противъ кого онъ направленъ. Вашей свободѣ не угрожаетъ ни малѣйшая опасность».

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Наша получена вышедшая въ Россію въ декабрѣ печатная прокламація «Изъ офицерамъ», за подписью «Восино-революціонная организація». Правильно цѣлномъ текстѣ прокламаціи для того, чтобы товарищи, любящіе къ этому возможности, ознакомились съ нею (напр., путемъ воспроизведенія) тѣ военныя круги, въ которыхъ ее не удалось распространить паздателямъ.

Событія послѣднихъ лѣтъ, совершавшіяся въ нашемъ отечествѣ, указываютъ, что революціонное движеніе широкой волной охватило всѣ слои русскаго общества. Явленіе это не новое и за послѣднія десятилѣтія выросло только его размѣры, измѣнились формы борьбы. Прямикъ его коренятся въ тѣхъ непереносимостяхъ, которые мы получили по наслѣдству отъ крѣпостнаго права, и тѣхъ, которые создали современность. Самыхъ вредныхъ и разрушительныхъ пережиткомъ «добраго стараго времени», въ устраненіи котораго заинтересованы всѣ элементы нашего общества, является самодержавная власть, опирающаяся на несправедливость, произволъ и насилие, враждебная всякому свободному культурному развитію.

Въ эпоху великихъ измѣненій, когда Россія переживала еще медовый мѣсяцъ своей «свободы» отъ крѣпостнаго права; когда общество еще ждало многого отъ правительствъ, выступившаго въ роли «освободителя», — педовольство самодержавнымъ режимомъ не могло захватить широкихъ круговъ населенія; противорѣчій его съ новыми нарождавшимися укладомъ жизни были почитны только тѣмъ, кто на себѣ чувствовалъ ихъ тяжесть; поэтому, и борьба съ самодержавіемъ носила характеръ героическаго схватки сравнительно немногочисленной группѣ интеллигентствъ, риды которой пополнялись пѣдѣльными личностями изъ другой среды, нѣсте другихъ составныхъ и почувствовавшихъ ясю несправдливую, вносимую въ жизнь деспотизмомъ царской власти. Прямъ инстинктъ условіи п характеръ борьбы п вовлекъ въ нее широкія массы: усложнились экономическія, а съ ними и правовыя отношенія, появились новые общественныя классы, и середъ русскаго живннѣ все настояннѣе и неотложнѣе встаетъ вопросъ о необходимости гражданской свободы и законнаго правопорядка. Абсолютнымъ, неконкретнымъ врагъ этихъ началъ общественной жизни, непзбѣнно долженъ былъ возстановить противъ себя всѣ слои населенія, даже тѣ общественныя группы, которыя пользовались поддержкой правительства и были до настоящаго времени его пѣрнми союзниками. Сознаніе необходимости челоѣческихъ правъ побороло суевѣріе о святости самодержавія, проникло въ народную среду; медовый мѣсяцъ формирпруется и выростаетъ въ несправдливость, протестъ изъ стихійнаго становится организованнѣмъ, борьба принимаетъ массовый и плановѣрный характеръ, а правительствѣ своимъ жестокими мѣропріятіями и тупымъ упорствомъ вноситъ въ борьбу все болѣе озабоченія и страстности.

Исправная, невѣжественная крестьянская масса, отданная во власть помещиковъ и администраціи, выносившая на своихъ плечахъ весь многоплотный бюджетъ, страдающая отъ малоземелья, пануренная голодовками, просыпается, тѣняется къ свѣту, къ знанію, прѣднзываетъ права на челоѣческое существованіе и протестуетъ противъ общественной несправдливости. Постѣдніи события въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ, ишедшіи отъ клика въ многіхъ губерніяхъ, особенно на югѣ, указываютъ на размѣры этого протеста и на его характеръ; звѣрскія расправы правительства надъ участниками крестьянскихъ волненій ошочительно разблѣ жалкіи остатки мужицкихъ илюзіи о царѣ-народолюбѣ.

По если громадная масса крестьянства еще не вошла въ сно представленіе себѣ всѣхъ деталей гнетущаго ее государственнаго механизма, за то городской рабочій, поставленный жизнью въ условія канѣхъ-то частаго соприкосновенія съ властью, все яснѣе сознаетъ, что его борьба за лучшее будущее, за освобожденіе отъ гнета канѣхъ-то должна предшествовать борьба съ самодержавіемъ. Онъ первый сталъ пополнять ряды интеллигентныхъ бойцовъ, и въ настоящее время представляетъ правильно организованную силу, которая выступила въ борьбу, канъ классъ съ волеи пепымъ и опредѣленнымъ требованіемъ; на канѣхъ-то значенія рабочихъ, развивающемся въ время демонстрацій, рядомъ съ требованіемъ 8-часоваго рабочаго дня, красуются надписи: «Долой самодержавіе! да здравствуетъ свобода!» Всѣ усилія власти, всѣ заботы ея направлены къ тому, чтобы подавить это движеніе, растущее съ канѣхъ-то днями; варварскія же средства, которыя для этого пускаетъ въ ходъ правительство, вносятъ въ борьбу лишь ожесточеніе и толкають массу на путь кровопролитія, на путь террора.

Къ тѣмъ же мѣрамъ прибѣгло правительство для подавленія студенческаго движенія, возникшаго сначала на почвѣ недовольства академическими порядками. На требованіе студентовъ правительствомъ отнѣтано извѣщеніе ихъ въ аудиторіи, на улицѣ, толкнуто ихъ въ ряды борющихся за попранныя права челоѣка-гражданина, на путь общенациональной борьбы.

Царское самодѣйствіе, полный административный произволъ, пренебреженіе интересами не только отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыхъ общественныхъ группъ накопило много горечи даже

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНИЯ

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Казань. Прошло больше двух лет с тех пор, как на страницах революционной печати появилось последнее сообщение из Казани. Этот долгий перерыв обязывает нас дать краткий исторический очерк казанского движения. Несомненно, что в до 1898 года, с которого у нас имеются более достоверные данные, пропаганда среди казанских рабочих велась. Но, повидимому, она носила совершенно неорганизованный, так сказать, кустарный характер: не было ни групп, а отдельных лиц. Только в 1898 г. организуется уже группа и ставит своей целью пропаганду соц.-демократ. идей среди казанских рабочих. Группа эта занимается связью только с одним из заводов, Алафудовским, и городскими типографиями. Дело, не смотря на малочисленность группы, пошло довольно успешно; среди рабочих были организованы боевые кассы, заведены библиотеки из легальных и нелегальных книг, а в апреле того же года была устроена маевка, правда, очень небольшая (до 40 руб.). На этой маевке было сказано несколько речей по поводу рабочего движения вообще и, в частности, по поводу начинающегося казанского. Последовавший в начале следующего года провал (арестовано до 40 чел.) снова заставил казанское движение принять привычные ему кустарные формы. Но такая работа уже не удовлетворяла ни рабочих, ни интеллигентов, с осени 1900 г. организуется вторая по счету «соц.-дем. группа». Она ставит дело шире предыдущей, занимается сношениями почти со всеми казанскими заводами и мастерскими. Дятельность ограничивается вначале исключительно пропагандой, но уже в начале 1901 г., благодаря росту движения, возникает вопрос о переходе от пропаганды к агитации. Однако, ни оформлять, ни провести в жизнь этого общего желания группы не удалось, так как 19 февраля жандармерией были произведены необычайные для Казани по своим размерам аресты (обыскало 100 чел., арестовано 70); не смотря на это, удачно возникла и прошла стачка булочников, а к 11 марта группой была выпущена прокламация ко всем казанским рабочим с предложением принять участие в общем протесте студентов против произвола правительства (свидетель о демонстрации и результатах ее своевременно были сообщены «Искры»). Майская прокламация не была выпущена группой по незнанию о ее нежелательности. Затем наступило полное затишье, все усилия были направлены на поддержание оставшихся связей, и только осенью 1902 г. группа снова усиливается, что, не ограничиваясь старыми связями, заводит новые. Еще осенью группа поставила, не ограничиваясь пропагандой, перейти при первой же возможности к широкой агитации по маевке. Поэтому, вся вторая половина 1902 года была посвящена пропаганде с целью создать по средству казанских рабочих революционное ядро, которое совместно с членами группы пошло бы в состав предлагаемого Комитета Р. С. Д. Р. П. Дятельность группы была настолько успешна, что образованный с началом 1903 г. Комитет решил немедленно приступить к исполнению осенней постановки группы о переходе к агитации. С 20 на 21 января по пяти заводам (Алафудовский, Крестовниковский, Святиковский, пороховой, Алесандровский и др.), а также и почти по всем мастерским и типографиям города были распространены прокламации Комитета. К казанским рабочим на русском и татарском языках. Кроме того, в это же время Комитетом была выпущена прокламация к казанскому обществу. Прокламация эта была встречена рабочими очень сочувственно, они усиленно разбрасывали ее в чинах, несмотря на всю энергию заводской администрации и полиции, тщетно пытавшихся уничтожить неожиданно появившуюся кляму. Энергичные друзья охранили от полиции первую выпущенную на их язык прокламацию рабочие из татар. Мысль о необходимости прокламации на татарском языке принадлежала всецело самым казанским рабочим, указавшим на национальную роль, которую усиленно раздвигают предприниматели, а также и на пренебрежительное отношение татар-рабочих к прокламациям на русском языке. Горячий прием, оказанный татарами прокламации на их языке, дает надежду Комитету, что от параллельным выпуском листов на оба языка удастся не только внести сплет в массы татар-рабочих, но и в корень подорвать ту национальную роль, которая до сих пор была выгодна только казанским капиталистам, движению же безусловно вредна.

Ростов-на-Дону. В своей корреспонденции, помещенной в № 32 «Искры», я сообщал о том, что ипоточный незначительный забастовка железнодорожных рабочих была удовлетворена администрацией дороги. В настоящее время все опять возвратилось к своему «первоначальному состоянию». Мастер Вилкевич и Чернышев опять возвращены к своим «постам».

Ни один пункт требований рабочих не удовлетворен. «Община поскупилась», как говорил один купец в драмме Островского, а вышло «совсем паршивое». Поворот к старым «отеческим традициям» в железнодорожных мастерских значит полный поворот к старому фонду, который, очевидно, впрямую в совершенстве и местным растерявшимся композитам полный курс современной политики центрального правительства по отношению к растущей «крамоле». Во всяком случае, политическая «ежедневная рукавица» по отношению к железнодорожным рабочим в настоящее время в полном ходу. С рабочим стал обращаться гораздо свирепее, чем даже до «событий». Во всех действиях железнодорожной администрации зафиксирована скрытая Валескал провокация, желание во чтобы то стало убить в рабочем всякое представление о человеческом достоинстве. Штрафы, как в рога изобилия, сыплются на головы рабочих. В довершение всего весь январь происходила «чистка» рабочих. Теперь недоставляется уже больше ста человек. Кроме этого, упорно циркулируют слухи, что в неопределившемся времени будет расстреляно около тысячи человек. Это слухи находят себе подтверждение в том, что большая часть работы «дана уже на частные заводы, в мастерских же только в одной цехе производится работа. Рассчитывать рабочих предполагается небольшими группами, постепенно. Все эти «реформы» предприняты с той, очевидно, целью, чтобы предотвратить новым ожидающимся прорывом недовольства среди рабочих, обманутых администрацией действующей под руководством жандармов и полиции. Рассчет на то, что в прошлые из других городов рабочие, которые займут место расстрелянных, будут покорнее, окажется, впрямую, ошибочным.

Что же касается ростовских рабочих, то и мы, предпринимаясь по отношению к «ужасотворению» их посредством «ежедневных рукавиц» и посредством реставрирования «добрых отеческих отношений», страшно раздражают их и служат хорошим воспитательным средством даже и для таких словесных рабочих, которые раньше серьезно не задумывались над своим беззаконным положением. Теперь всей массой рабочих становится яснее, где нужно искать своих врагов, а где друзей. Настроение восторженности в железнодорожных мастерских крайне возбуждено; рабочие страстно ищут подходящей формы, для того, чтобы целесообразно налить свое возмущенное чувство. Все говорят о необходимости повторять осенний «события». В городе также упорно циркулируют слухи, что повторение событий неминуемо будет в день 19 фев. Боевое настроение среди рабочих поддерживается энергично и Донским Комитетом, за январь месяц вынужденным 15,000 прокламаций.

Начальство также мобилизует свои силы на случай чего

ежели, стаявшая казакость в Ростов, который постепенно превращается опять в «военный лагерь». Оно тоже ждет 19 фев. В городе в среде рабочих говорят, что если 19 февраля не удастся, то все равно раньше или позже они ринутся в «бой». И так, несмотря на полицейский и жандармский террор, несмотря на все репрессии, ростовский пролетариат идет вперед по пути развития своего классового самосознания. Влияние Донского Комитета на массы рабочих растет с каждым днем.

Недавно Донской Ком. опубликовал свой отчет за 1892 г., из которого видно, что он выпустил 60,000 прокламаций и листов. Это произвело на всех бодрящее впечатление. Промышленные события всколыхнули песь ростовский пролетариат, почва настольно разрыхлена, что не хватает даже рабочих социализма, чтобы воспользоваться требованиями массы. При этом необходимо отметить одну любопытную черту. Прокламация читается всеми и везде. Рабочие прямо требуют «литературы», которая раскрывала бы глаза на все социальные и политические порядки страны; говорить открыто о «республике» и т. д.

Одним из благоприятных последствий прошлых ростовских событий было то, что женщины-работницы, раньше, по большей части, оставшиеся пассивными, в настоящее время присоединились к общему рабочему движению. Оживление среди работниц небывалое. Организуются кружки, возмущается масса животрепещущих вопросов. Словом, можно считать, что отныне и женщины-работницы г. Ростова выступают активно на политическую арену.

Как известно, это оживление возмущало больше пожелать в свою пользу и соц.-революционеры. Дело не ограничилось только их органом «Рев. Россия», изображающим «ростовские события» с присущим этому органу хлестаковской развязностью. Разказанный органам соц.-революционеров, разный «поблизости» в лицах» про ростовские события смущали души их шустрых последователей. И вот они, ничтоже сумняшеся, «сидя на рогах», а говоря с ковра», налетели на нас в Ростов, чтобы направить дело на «правильный» путь. Прежде всего они обратились к «экономистскому» Донскому Комитету, чтобы последний дал им свою типографию. Но Комитет, конечно, отказать, что «не скляние не имеют права жить». И соц.-революционеры ушли «во-свои». Очевидно, пролетарий Ростов не годится для сногасительных настроений г. соц.-революционеров.

23 января из Ростова отправлен за три года в ссылку в Вологодскую губ. по делу Донского Ком. (в 1901 г.) слесарь Платий Данилович Стульников.

Эксплуатация железнодорожных служащих. (Из «Киев. Соц.-Дем. Листка» № 7). Доставленные нам сведения о положении служащих в службе сборов Ю. З. Ж. Д. показывают, как возмущательно эксплуатируются люди, трудом которых создается богатство этой наезной дорожки.

Труд служащих здесь определен заранее, каждому назначается известная работа, вперед на целый год, считая в нем 360 дней. Таким образом, в расчет не приняты праздники, даже такие, как Рождество и Пасха. Подобная каторжная работа оплачивается мизерными: существуют оклады в 180 руб. в год, тогда как служащие того же Управления получают 240 руб. в год. За сверхурочную работу платят еще меньше (налог вдвое меньше). Так, если положено за исполнение трех с половиною тыс. накладных 60 руб., то за следующие три с половиною тыс., сделанных вечером, дадут 30 руб. Многие не выдерживают, уходят со службы, подавая жалобы, но эти жалобы ни к чему не приводят.

Творцом этой прибыльной системы является начальник службы сборов. Управляющий Ю. З. Ж. Д. Немешев оказался не в силах воспротивиться этой эксплуатации, мало чем отличавшейся от фабричной. Благотворительное распоряжение Его Превосходительства о прекращении работы в 2 часа дня накануне праздника осталось втуне и служащие попрежнему должны корпеть до тех пор, пока не оканчат назначенного им недвоякой руной «урока». Вот откуда берутся средства на громадные оклады господ начальников, столь ревниво выискивающих все, что можно высосать.

Стачка на сахарном заводе. В конце декабря на Александровском сахарном заводе (в с. Александровском Чигиринск. у., Киевск. г.) началась стачка всех рабочих — числом около 500 чел. Рабочие держались дружно и энергично поддерживали свои требования, среди которых было выставлено требование 8-часового рабочего дня.

1 января прибывший на завод полиц. и жандарм. властью арестовано 180 ч. рабочих. Эта стачка, как и прошлогодняя на Черкасском сахарно-рафинадном заводе, свидетельствует о развитии классового сознания даже среди наиболее отсталых слоев русского пролетариата. (Из «Киев. С.-Д. Листка».)

Мелитополь, Таврич. губ. Здесь с 12 на 13 фев. была разбросана масса прокламаций и тентограф. брошюр, обращенных к рабочим. Вся полиция и жандармерия на ногах; пока идут обыски только среди рабочих.

Чита. Здесь была забастовка железнодорожных рабочих. Стачка выиграна; все требования удовлетворены. Были выпущены четыре прокламации.

ИЗЪ ПАРТИИ.

Организационный Комитетом из 19 февраля издаю воззвание («4 августа 1789 г. — 19 февраля 1861 г.»), в котором проводится параллель между революционным способом освобождения крестьян во Франции и оппортунистическим — в России.

Вышедший в январь № 11 «Южного Рабочего» содержит 36 столбцов довольно убогистого шрифта, так что по разному образованнейший Тульский Комитет издал поздравление «О правде сходок» (январь 1903 г.). В течение января и февраля издаются Киевск. Комитетом «Письмо раб. жел. дор. мастерским», «Ко всем булочникам и хлебопекам», «Ко всем типографшикам», «Голос киевских рабочих» и «Киевск. С.-Д. Лист». № 7. Петербургский Комитет, кроме двух прокламаций по поводу стачки у Штиглица, издал листовку 19 февраля и два больших хорошо отпечатанных листа: 1) О традициях и социализме и 2) По поводу книжки ген. Богдановича. Иркутский Комитет выпустил листовку по поводу демонстрации на лекции Кулябко-Коренякова. Одесским Комитетом издано: «Ко всем типографским рабочим и работницам» и «К раб. в работниц на табачных фабриках». Донской Ком. издал в 5000 экз. листовку о бюджете, весьма удачно составленную.

Ко всем социаль-демократическим организациям России. Товарищи! Теоретический приращение программ, беззаботность и организационный раздор — составили длительный смутный период в жизни нашей партии. Полная разобщенность социаль-демократов и отсутствие центральной руководящей группы — исключали всякую преемственность в революционной деятельности, порождали пренебрежение к подрастающей теории, служившей кругом отдаленных практиков-товарищей. В связи с частыми провалами, это приводило к измечтанию типа революционера, к забвению, извращению и игнорированию

руководящих начал социаль-демократической доктрины, посяло и узаконило младенческие формы деятельности и примитивные формы борьбы. При таких условиях, истинно революционные социаль-демократы естественно должны были выдвигаться, чтобы очистить пренасию, но засоренную ниву, чтобы начать безопашадую борьбу с латаньями теории и хаосом практики. Естественно, что они должны были выставить девизом: кто не за нас, тот против нас. И этот боевой клич раздался со страниц «Искры». Он заставил многих товарищей, плывших по течению, остановиться, забыть программное легкомыслие и отшатнуться от изгладя на социаль-демократическое движение — с точки зрения своего прихода. Не касаясь отдельных эпизодов, мы должны признать, что принципиально выдержанная, чуждая неуверенности и колебаний, — «Искра» значительно способствовала уменьшению царского суббур. Нам впрямь и другие, она вскрыла самые тяжкие наши язвы.

Со своей стороны, мы солидарны с «Искрой» и «Зарей» во всем возросшем программ, тактики и организации — и признаем их своими руководящими органами, а «Лугу русской революционной социаль-демократии» — латанью заграничных представителей. Независимо от этого, мы признаем явную необходимость созыва партийного съезда.

Товарищи! Наблюдая жизнь у «источников» ее, мы видим, как стихийный подъем революционных сил опережает рост организаций, как немощная социаль-демократия для того, чтобы углубить и использовать революционную энергию пролетариата, превратить извращенный смутный дух мятежа на истое классовое сознание. Безспорно, что героический усил разрозненных «кустарей» ни к чему не приведет, и эту великую и сложную задачу может взять на себя только централизованная партия, могущая своим единством, несокрушимой своей теоретической устойчивостью, дисциплинированной и строимой сформированной. Неудачная логика каждого нового факта нашей старой неподготовленности неизбежно приводит к этому выводу. И мы присоединяем свой скромный голос к хору голосов, пашающих к скорейшей организации партии.

Донской Комитет Российской Социаль-Демократической Рабочей Партии.

Из помещенной январем 1903 г. прокламации Сибирский С.-Д. Союз объявляет о своем вступлении в Росс. С.-Д. Р. П. в качестве ее Комитета. Союз объявляет о своей солидарности с организацией «Искры» по возросшим принципиальным, тактическим и организационным и о признании «Искры» руководящим органом.

На первом собрании Казанского Комитета Р. С. Д. Р. П. было внесено предложение о присоединении к «Искре»; после всестороннего обсуждения этого вопроса была выработана следующая резолюция: «Принимая отсутствие между большинством комитета и группой Р. С. Д. Р. П. как теоретического, так и практического единства, ввиду в этом громадный вред для дальнейшего развития в России социаль-демократического дела, признавая в то же время только программу «Искры» полной соответствующей чистоте соц.-дем. принципам, а также в практической потребности времени, считая, наконец, организацию «Искры» единственною, могущую объединить все современные комитеты и группы под знаменем Р. С. Д. Р. П. Казанский Комитет постановляет принять без изменений программу «Искры» и считать ее — «Искру» — своим руководящим органом».

Казанский Комитет Р. С. Д. Р. П.

Нам прислано следующее печатное заявление: Уфимский рабочий комитет, отделившийся с января 1903 г. от Уральского союза соц.-демократов и соц.-революционеров, пришел к заключению о необходимости революционной борьбы под руководством единой общероссийской организации. Поэтому комитет предлагает образование Организационного комитета, поставившего целью объединить в одной организации и под одним знаменем русское рабочее движение. Он признает авторитетным для себя дальнейший процесс Организационного комитета, так как являясь последним и направлением деятельности отбывающих целям, намеченным Уфимским комитетом в митингах января. Для осуществления задачи объединения местных рабочих организаций Уфимский комитет в настоящее время присоединяется к Российской Социаль-Демократической Рабочей Партии и заявляет о своей солидарности с теоретическими воззрениями и организационными планами «Зари» и «Искры», признавая эти органы руководящими для русской социаль-демократии.

Уфимский Комитет Р. С. Д. Р. П.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Петербург. В начале февр. арестованы: Щеголов, Токриев, Полуборинский и мног. другие. — П. Попов. Начиная с первых чисел февраля здесь обыски и аресты чуть не каждый день. Еще в январе арестовано несколько сорванцев. 1 февр. явля М. С. Барсена (стуж. в стат.). Вышедшая в этот же день из Нижнего фельдшерница А. М. Кеяшева привезла из Москвы. 3 февр. арестов. Ив. П. Ладьянов, завзвудчик книжки. Из рабочих арестованы Оадев, Тюменев, Замятин, Постоногов, Рыбинин, Воронцов, Лебедев, Павлов, Баранов, Кузнецов — все сорванцы; в городе хозяева столярных мастерских Коломозы (отец и два сына) и еще несколько ремесленников. Обыски были в Бабушкинской больнице, магазин «Книжный музей», у всех губернских и иркутских уездных статистиков, а также у У. З. Урав. — На Воткинском заводе арестован учитель В. Е. Кривоногов. — Москва. 14-15 февр. арест. 40 лш. студ. Меж. Инст. и друг. — Ташкент. В конце декабря в начале января повальные обыски. Арестован бывший студент Мхиян. — Ростов-на-Дону. 3 февр. вечером на Свобод. ул. арестов. случайно савожики В. Везалов с литературой «Свободы». Перепечатан в Таганрог. С 1 февр. здесь действует охранка.

В жал из села Тютюковского, Енисейской губ. и благополучно прибыл за границу сосланный по делу «Раб. Знамени» Давид Гершанович.

Нам пишут: «Несется слух, что, в виду учащающихся побегов, с проживанием по чужим паспортам, образованы летучие отряды шпионов и жандармов для разыскания и погони. В часть шпионов находится повзвешный на юг, Усов, долгое время бывший старшим жандармом при одесской тюрьме и знающий в лицо не одну тысячу лиц».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Понявля. В статье «Нужна ли самостоятельная политическая партия еврейскому пролетариату» (№ 34 «Искры») вкратце издвинутой, извращающей смысл, опечаткой на стр. 2, столб. 2, строка 34 сверху, пропущено слово «не» после слов «еврейское» (вместо «организованы» надо читать: не организованы). Там же на строке 48 сверху явство: «которая должна» сл. дует читать: который должен.

Получено: От Л. С. Т. на «Искру» 95 руб., из Берлина в пользу бглых и сыльных по подписным листам 250 мар. из Парижа 303 фр., из — 210 фр. 30 с., из Антверпена на издание записок Павлова 18 фр. 50 с., из Цюриха за литературу 67 фр. 15 с., от Цюрихской группы 9 фр., из Виттертга за литературу 8 фр. 25 с.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться по след. адресу:

Lehrn Axt. r. d. Zurich, Vogelsangstrasse 9

Типография «Искры»